

Угличекій ссыльный колоколъ ¹⁾).

О граде, ты граде, богоспасаемый
граде Угличь! горькую чашу испилъ
ты за русскую землю!

Слова лѣтописца.

I.

Въ субботу на шестой недѣлѣ по Св. Пасхѣ, 15 мая 1591 года, въ 12 часу дня городъ Угличь огласился набатнымъ звономъ съ колокольни Спасо-Преображенскаго собора. Звономъ сзывали жителей г. Углича къ мѣсту ужаснаго убійства, вѣроятнѣйшій свидѣтель злодѣянiя сторожъ Спасо-Преображенскаго собора Михайло Дмитриевъ Кузнецовъ, случайно находившійся на колокольнѣ и отсюда видѣвшій все происшедшее и прибѣжавшій къ нему по набору пономарь дворцовой Константино-Еленинской церкви изъ вдовыхъ священниковъ Ѳедотъ Аванасьевъ, по прозванiю Огурецъ ²⁾).

Быль обычный обѣденный часъ; кто собирался обѣдать, кто уже и началъ свой обѣдъ; раздавшійся рѣзкій и усиленный набатъ въ городѣ у Спаса мгновенно измѣнилъ настроенiе покоившагося города. „Пожаръ, пожаръ въ городѣ“, говорилъ каждый, бросая свой столъ и домъ и направляясь по звону, въ Кремль, ко Спасу. Ни огня, ни дыму не было однако же видно, а набатъ былъ сильнѣе и сильнѣе, подхватываемый со-

¹⁾ Статья составлена на основанiи главнымъ образомъ двухъ дѣлъ по возвращенiю колокола; одно—Угличской Городской Управы, а другое—Л. Ѳ. Соловьева, хлопотавшаго, по порученiю Угличской Городской Думы о возвращенiи колокола.

²⁾ Слѣдственное дѣло объ убiенiи Димитрiя Царевича. Собр. Гос. грам. и догов. стр. 109, т. II.

сѣдними колокольнями; звонили въ городѣ и въ посадахъ. Что же означало это 'смятеніе? Какъ электрическій токъ мгновенно облетѣла городъ громоносная фраза: „Царевича зарѣзали“. Кто знаетъ близко русскій народъ, кому приходилось слышать, какъ, напримѣръ, во время базара, ярмарки, деревенскаго праздника „по обѣщанію“, среди шума-гама безопасно гуляющихъ вдругъ облетаютъ праздныя толпы слова: „человѣка убили“,—тотъ хорошо знаетъ, какое магическое дѣйствіе производятъ эти два слова. „Гдѣ?“ и по нѣмому указанію протянутой руки толпы утихаютъ и безмолвныя спѣшатъ. Прерывается пѣснь, смолкаетъ разговоръ, прекращается споръ, брань; каждый въ перегонку спѣшитъ къ мѣсту происшествія. Легко при этомъ замѣтить, что рядомъ съ движеніемъ простого любопытства тутъ каждымъ ощущается то, что на народномъ языкѣ выражается словами: „по тѣлу пробѣжала дрожь“. Можно представить себѣ, какое смущеніе и смятеніе въ народѣ произвели эти ужасныя слова: „Царевича зарѣзали“. Изъ города, изъ посадовъ, изъ слободъ, изъ монастырей, казаки съ судовъ, стоявшихъ на Волгѣ, всѣ старъ и младъ, безъ различія знаній, спѣшили, тѣснились, лѣзли въ Кремль, ко Спасу. Но вотъ цѣль достигнута: взорамъ представляется окровавленный отрокъ, убивающаяся мать, избитая, окровавленная кормилица, братья царицы.. „Кто, гдѣ душегубцы?“ Царица объявила имена убійць, а кто-то сказалъ, что они „въ дьячей избѣ“. И толпа осадила дьячью избу; убійцы заперлись въ ней и рѣшили защищаться, но это было напрасно: „казаки съ судовъ.“ и чернь посадская разнесли сѣни, вышибли двери и окна, выволокли изъ избы Никиту Качалова и Данила Битяговскаго: „тутъ ихъ и побили до смерти“¹⁾. Михаилъ Битяговскій, завѣдывавшій всѣми дѣлами и хозяйствомъ вдовствующей царицы, первоначально пытался взойти на колокольню и остановить набатъ, подъѣхалъ къ царевичеву дворцу, ворота котораго были отперты для него Кирилломъ Махавиковымъ; во дворѣ оказалась толпа посадскихъ и всякихъ другихъ людей, успѣвшая собраться ко дворцу по набату. Приблизившись вмѣстѣ съ Даниломъ Третьяковымъ къ дьячей избѣ, стараясь унять, разговорить расходившуюся чернь, дерзнулъ сказать заблаговременно выдуманную имъ, или можетъ быть съ Борисомъ Годуновымъ ложь, что царевичъ самъ умертвилъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни, но толпа не слушала и съ угрожающими возгласами стала нападать на нихъ

¹⁾ Слѣдственное дѣло, стр. 105 и друг.

самихъ, такъ что они сочли благоразумнымъ удалиться, „утекли“ на княжій дворъ, „въ хоромы на верхъ, въ покои царицы и въ брусную избу“. Толпа поспѣшила за ними и изъ брусной избы бѣглецовъ „вытащили и убили“. Оставался еще главный изъ убійцъ зачинщикъ Осипъ Волоховъ. Совершивъ преступленіе, онъ убѣжалъ въ домъ М. Битяговскаго, вѣроятно находившійся близъ Кремля, на набережной за каменнымъ ручьемъ. Къ этому дому направилась толпа; тамъ схватила она и привела его къ бездыханному тѣлу мученика; затѣмъ вывели еде живого отъ побоевъ изъ церкви и на глазахъ царицы убили, а надъ трупомъ, по показанію матери его Василисы,—„прохалкали, что надъ вайцемъ“¹⁾, то есть общимъ дружнымъ хохотомъ выразили особое удовольствіе, какъ будто убили не человѣка, а вайца. „Да тутъ же,—пишутъ угличскіе разсылники въ своей челобитной²⁾, Михайло Нагой велѣлъ убити и посадскихъ людей трехъ человѣкъ, Саву плотника, да каменьщика Митю Суздальца, да мужика бѣлотѣльца, да Михайловыхъ людей, Битяговскаго четырехъ человѣкъ, да Осиповыхъ людей, Волохова двухъ человѣкъ; а велѣлъ Михайло посадскихъ людей убити за то, что они разговаривали, чтобы тѣхъ людей, которыхъ нынче побили, не побивали за посмѣхъ“, и „безъ государева вѣдома“, т. е. убивали, смѣялись и хохотали, не дожидаясь суда и слѣдствія отъ государя. Злодѣи, кончаясь, облегчили свою совѣсть искреннимъ признаніемъ, наименовавъ и главнаго виновника смерти царевича Бориса Годунова; мамку царевича оставили живую для важныхъ показаній; вѣроятно, устрешенная казнію и сознаніемъ злодѣевъ, она также не заиралась въ участіи съ ними; но прежде чѣмъ посадить ее въ заключеніе, посадскіе люди,—по показанію самой В. Волоховой, позорили ее: „ободрали ее и простоволосу держали предъ царицей“³⁾. Вмѣстѣ съ Осипомъ Волоховымъ въ домѣ М. Битяговскаго толпа схватила жену Битяговскаго и двухъ его дочерей и привела къ Спасу, къ тѣлу царевича, „хотѣли ихъ побити“, но архимандритъ Воскресенскаго монастыря Θεодотъ и игуменъ Алексѣевскаго монастыря Савватій „ухватили Михайлову жену съ дочерьми и отняли ихъ и убити ихъ не дали“. Въ довершеніе расправы надъ убійцами чернь и посадскіе люди разворили самое гнѣздо

¹⁾ Слѣдств. дѣло стр. 107.

²⁾ *ibid.* стр. 107.

³⁾ *ibid.* стр. 118—119.

злѣдѣвъ—дворъ М. Битяговскаго. „А на Михайловъ дворъ Битяговскаго пошли всѣ люди міромъ и Михайловъ дворъ разграбили и питье изъ погреба въ бочкахъ выпивъ и бочки кололи, а девять лошадей Михайла Битяговскаго,—по показанію конюха Данила Михайлова, бывшаго участникомъ въ описанной расправѣ съ убійцами,—увели на конюшню царевича. Тѣла убитыхъ стащили и бросили въ городской ровъ.

Народъ совершилъ страшное отомщеніе убійцамъ, движимый чувствомъ ненависти къ ихъ злѣдѣнію и изъ любви къ погубленной ими царской отрасли; но это отомщеніе было все же незаконно, какъ самосудъ и самоуправство, и потому, не могло быть оправдано даже усердіемъ къ роду царскому. Мало того, своимъ неразуміемъ и неосмотрительностью угличане подали поводъ Борису прикрыть свое злѣдѣніе поворнымъ для нихъ именемъ „возмутителей“. Они поняли это, опомнились, притихли и съ безпокойствомъ ожидали распоряженій изъ Москвы, куда „къ царю Θεодору послали съ вѣстью, яко братъ его отъ рабъ убіенъ бысть; вѣстника же онаго на Москвѣ приведоша къ Борису Годунову. Борисъ же, взявъ отъ него посланныя писанія, повелѣ переписать, яко бы одержимъ былъ тяжкимъ недугомъ и заклалъ себѣ небреженіемъ Нагихъ, и донесе оныя писанія царю Θεодору ¹⁾. Выслушавъ сообщеніе о смерти брата, царь Θεодоръ „плакаше о немъ зѣло по многи дни“, хотѣлъ самъ отправиться въ Угличъ для изслѣдованія дѣла, но Годуновъ подъ разными предлогами удержалъ его, и Θεодоръ наконецъ сказавъ: „да будетъ воля Божія“, всему повѣрилъ ²⁾.

Для соблюденія внѣшняго вида правосудія требовалось изслѣдовать подробно всѣ обстоятельства дѣла. Съ этою цѣлью царемъ, или вѣрнѣе Годуновымъ, посланы были въ Угличъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, окольничій Андрей Клешининъ и думный дьякъ Елизаръ Вылузгинъ, занимавшій весьма важную должность въ управленіи государствомъ, а для совершенія пристойнаго погребенія назначенъ былъ крутицкій митрополитъ Геласій. Всѣ эти лица были доброжелателями Годунова, не исключая и Шуйскаго. Шуйскій, правда, нѣсколько лѣтъ былъ въ опалѣ и ждалъ гибели отъ Годунова, а старшій братъ его Андрей Шуйскій уже погибъ по волѣ Бориса, но теперь хитрый правитель успѣлъ помириться съ Васи́ліемъ и даже вступилъ съ нимъ въ родственныи союзъ, женивъ его мень-

¹⁾ Новый лѣтоисецъ, по изд. кн. Обленскаго, стр. 34—35.

²⁾ Исторія Госуд. Росс. Н. М. Карамзина, т. X, стр. 84.

шаго брата на своей юной свояченицѣ и давъ ему санъ боярина. Шуйскій, человекъ хитрый и уклончивый, рассчиталъ, что если онъ поведетъ слѣдствіе такъ, что Борисъ будетъ имъ не доволенъ, то все-таки Борису ничего не сдѣлаетъ, потому что верховнымъ судьей будетъ тотъ же Борисъ, а себя подвергнетъ впослѣдствіи его мщению. Шуйскій рѣшилъ вести слѣдствіе такъ, чтобы Борисъ былъ имъ вполне доволенъ.

Слѣдствіе было произведено неправильно и недобросовѣстно; осмотра тѣла царевича не сдѣлали; людей, убившихъ Битяговскаго съ товарищами, не допросили; царицу тоже не спрашивали. Показанія, снятыя съ разныхъ лицъ, кромѣ показанія одного Михаила Нагого, гласили одно, что царевичъ зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Одни лгали, показывая, что сами видѣли, какъ происходило дѣло, другіе показывали тоже, не выдавая себя очевидцами ¹⁾. Тѣло царевича было предано землѣ въ Угличскомъ Спасо-Преображенскомъ соборѣ.

Для доклада царю Θεодору Іоанновичу въ слѣдствіи было написано, что царевичъ заклался самъ, играя ножомъ въ тычку въ припадкѣ падучей болѣзни и что дьякъ Битяговскій и прочіе съ нимъ убиты народомъ совершенно невинно, по наущенію Нагихъ, враждовавшихъ противъ Битяговскаго. Нагіе вышли кругомъ виноваты и всѣхъ ихъ сослали въ разные города и заточили по тюрьмамъ. Царицу Марію Θεодоровну за небреженіе сына постригли неволею въ монахини, съ именемъ Марѣи и сослали въ монастырь св. Николая на Выксѣ, въ Череповецкій уѣздъ. Тѣла злодѣевъ Битяговскаго и товарищей его, кинутыя угличанами въ яму, извлекли, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою честью; а гражданъ, виновныхъ развѣ въ томъ, что они неосмотрительно жили въ одномъ городѣ съ наследникомъ престола Московскаго государства, казнили смертью, какъ измѣнниковъ и убійцъ, числомъ около 200; другимъ за смѣлыя рѣчи отрѣзали языки, иныхъ заточили, 60 семействъ сослали въ Сибирь и заселили ими городъ Пелымъ.

Тогда же подвергся ссылкѣ въ г. Тобольскъ и набатный колоколь, обвиняемый въ томъ, что звонилъ при убіеніи царевича. Какъ особенность, этотъ колоколь увѣнчивался крестнымъ

¹⁾ Подробно о слѣдственномъ дѣлѣ въ нашей книгѣ: Святый Стратотерпецъ благовѣрный князь Угличскій Царевичъ Дмитрій, Московскій и всея Россіи Чудотворецъ, ц. 75 к.

знаменіемъ ¹⁾, и по верху ушей на немъ доселѣ сохранилось возвышеніе въ родѣ Голгофы, на которой утверждёнъ былъ крестъ. Согласно обычаю того времени, сохранившемуся вплоть до восемнадцатаго вѣка, увѣчить осужденныхъ въ ссылку преступниковъ,—рвать имъ ноздри, а иногда отрѣзывать уши, чтобы отмѣтить ихъ и лишить надежды на успѣхъ побѣга,—и ссыльный колоколъ не избѣгалъ этого варварскаго поворота. Приказано было сбросить его съ Спасской колокольни и, лишивъ крестнаго знаменія, неблагоклонно надъ нимъ учинивъ, наказать его на площади, при соответствующей обстановкѣ, 12 ударами плетей; кромѣ того, приказано было вырвать у него языкъ и отрубить одно ухо,—это служило, какъ добавочное наказаніе и знакъ позора.

Когда угличанамъ былъ объявленъ такой жестокой приговоръ о ссылкѣ ихъ въ далекій край и когда наступило первое апрѣля 1592 года,—день ихъ высылки,—то въ Угличѣ былъ великій плачь и стenanіе, такъ какъ угличане сочли себя несправедливо наказанными ²⁾. Много несчастныхъ домохозяевъ съ женами и дѣтьми послѣдовали въ ссылку, сопровождаемые стрѣльцами и коннымъ приказомъ; набатный колоколъ ссыльные должны были тянуть на себѣ.

Цѣльный годъ несчастные угличане должны были страдать въ пути, прежде чѣмъ достигли мѣста своей ссылки, и можно съ увѣренностью сказать, что многіе изъ нихъ еще дорогой отъ изнуренія и болѣзни легли косьми, а большинство померли вскорѣ по прибытіи въ Пелымъ,—городъ, расположенный въ

¹⁾ Колокола, украшенные по верху ушей крестомъ, доселѣ сохранились при нѣкоторыхъ Угличскихъ церквахъ; а въ Московскомъ кремлѣ увѣнчанъ крестомъ „Царь-колоколъ“.

²⁾ Сохранившійся подъ № 934 въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ древній Переяславскій лѣтописецъ такъ изображаетъ плачь злополучныхъ угличанъ: „Понеже и соблюдателей святаго царевича премного оскорбляетъ и по различнымъ градомъ и странамъ поточаетъ, но и весь царскій домъ похищаетъ, несытный, и до толика неточно всея царевочелобитныя сгнавы и спострадатели конечно изнуряетъ и многія потребляетъ и жизни временныя лишаетъ, но чтобы и колоколъ той великій, въ него же за убіеніе святаго царевича клирикъ церковный въ набатъ звоняше, бывъ на соборной колокольнѣ, и того злобный Борисъ обрестова и заточивъ изгнаніемъ своего царственнаго двора и столько града Углича и соборныя церкви разлучи и въ Сибирскую страну во градъ Тобольскъ нуждою съ Углича сославъ и неблагословна его учинивъ и церковнаго благовѣстія лишивъ и къ набатней башнѣ его неблагословна быти сопричте и простому звону соедини“.

Выпись изъ лѣтописи въ дѣлѣ Л. О. Соловьева, стр. 21.

мѣстности болотистой и неудобной для земледѣлія. Таковое заключеніе приходится сдѣлать на основаніи „Сибирской исторіи“ Фишера (С. П. Б. 1774 г.), гдѣ между прочимъ сказано, что въ 1621 году при провѣркѣ жителей въ Пелымѣ оказалось только „30 человекъ ссыльныхъ изъ Углича, которыхъ царь Борисъ Годуновъ для прикрытія учиненнаго по его повелѣнію надъ царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ смертоубійства приказалъ сослать въ сіе пустынное мѣсто“. Пелымскій воевода князь Петръ Горчаковъ объявилъ прибывшимъ угличанамъ наказъ, въ которомъ значилось, чтобы заставить угличанъ рубить городъ вмѣсто сгорѣвшаго въ 1521 году и оставаться въ немъ. Угличане слезно просили воеводу разрѣшить имъ послать въ Москву къ царю Θεодору Іоанновичу челобитную о помилованіи, но челобитная прибыла въ Москву, когда Θεодора Іоанновича уже не было въ живыхъ.

Не мало натерпѣлся дорогой и ссыльный колоколъ: станокъ, на которомъ его везли по горамъ, оврагамъ, болотамъ и рывинамъ, долженъ былъ много разъ поломаться, а колоколъ падать; не даромъ же края его избиты и поломаны; при подъемахъ, подбиваясь подъ него ломомъ и вагами, невольно ломали края его. Онъ прибылъ въ Тобольскъ въ первой партіи ссыльныхъ, отправленныхъ изъ Углича въ Тобольскъ и Пелымъ. Тогдашній тобольскій воевода, князь Лобановъ-Ростовскій приказалъ колоколъ безъ уха сдать приказной избѣ, гдѣ онъ и былъ записанъ „первоссыльнымъ неодушевленнымъ съ Углича“.

Но все-таки онъ оказался болѣе счастливымъ, чѣмъ его товарищи по несчастью. По своему матеріалу онъ несравненно болѣе способенъ, чѣмъ человѣческое тѣло сопротивляться времени и страданіямъ, а потому онъ пережилъ свою рану и дождался, хотя и не скоро, возвращенія въ свой родной Угличъ.

II.

Первая попытка угличанъ вернуть изъ далекой Сибири въ родной городъ знаменитый свой намятникъ—ссыльный колоколъ относится къ 1849 году. Инициатива этого дѣла принадлежитъ небольшому кружку любителей мѣстной старины и этнографіи края,—каковыми тогда были два угличскихъ мѣщанина Иванъ Петровичъ Серебренниковъ съ сыномъ его Василюмъ Ивановичемъ (ум. 1885 года) и штатный смотритель Угличскихъ городскихъ училищъ Θεодоръ Харитоновичъ Киссель (ум. 10-го мая 1852 года) ¹⁾.

¹⁾ Угличанинъ 1906 г. № 4 и 1907 г. №№ 94—100.

На одной изъ вечеринокъ И. П. Серебренниковъ передалъ Кисселю свою мысль,—возбудить предъ правительствомъ ходатайство о возвращеніи въ Угличъ изъ Тобольска ссыльнаго колокола. Мысль эту поддержалъ Василій Ивановичъ, а особенно восторженно она была встрѣчена авторомъ „Исторіи г. Углича“ Ѳ. Х. Кисселемъ, который отъ радости захлопалъ въ ладоши и запрыгалъ.

По предложенію Ѳ. Х. Кисселя, было написано письмо на имя смотрителя Тобольскаго уѣзднаго училища, оказавшагося впоследствии В. И. Скорбневымъ, съ просьбою о сообщеніи имъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о тогда еще загадочномъ колоколѣ. Г-нъ Скорбневъ удовлетворилъ желаніе угличскихъ патриотовъ и въ отвѣтномъ письмѣ сообщилъ довольно подробныя свѣдѣнія о его первоначальномъ назначеніи и о дальнѣйшей его судьбѣ, а также его вѣсъ и особыя примѣты. Въ дополненіе къ описанію приложенъ былъ рисунокъ ссыльнаго узника.

Полученіе свѣдѣній о существованіи историческаго колокола совпало какъ разъ съ пріѣздомъ въ Угличъ по дѣлу угличскихъ старообрядцевъ чиновника особыхъ порученій при ярославскомъ губернаторѣ Ивана Сергѣевича Аксакова, писателя, славянофила, которому И. П. Серебренниковъ передалъ свою мысль и просилъ его совѣта и указаній, какъ удобнѣе возбудить предъ правительствомъ ходатайство о возвращеніи памятника въ Угличъ. Аксаковъ, восторженно одобрилъ эту мысль, сказалъ: „Теперь самое удобное время для возбужденія ходатайства: въ виду смуть на западѣ, правительство признало, что самую тонкою политикою съ его стороны будетъ поддерживать любовь ко всему отечественному, а потому это дѣло будетъ имѣть полный успѣхъ“. При этомъ Иванъ Сергѣевичъ предложилъ Серебренникову свое посредничество въ подачѣ прошенія угличанъ министру внутреннихъ дѣлъ. Серебренниковы составили прошеніе и собрали до сорока подписей угличскихъ гражданъ; но почему-то прошеніе не было подписано ни городскимъ головой—Суринымъ, ни соборнымъ проторіереемъ Д. Поповымъ. Подбадриваемое участіемъ И. С. Аксакова, дѣло о возвращеніи колокола за счетъ угличскихъ гражданъ быстро двинулось впередъ: прошеніе на Высочайшее имя черезъ И. С. Аксакова передано министру внутреннихъ дѣлъ графу Перовскому, которымъ и было вскорѣ доложено на Высочайшее разсмотрѣніе.

Письмомъ отъ 16 августа И. С. Аксаковъ сообщилъ Серебренникову о положенной Государемъ Императоромъ резолюціи

колянь, но потомъ, какими-то судьбами попалъ на соборную, наконецъ въ 1837 году, по распоряженію архіепископа тобольскаго Аѳанасія, снятъ оттуда и повѣшенъ подлѣ архіерейскаго дома, при крестовой архіерейской церкви, подъ небольшимъ деревяннымъ навѣсомъ. Цѣлью послѣдняго перемѣщенія было то, чтобы показать, если потребуется, эту историческую достопримѣчательность Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику, который въ 1837 году былъ въ Тобольскѣ, а также и то еще, что передъ тѣмъ временемъ была перестроена крестовая церковь и колокола побольше при ней не имѣлось. Теперь Угличскій колоколъ сзываетъ къ богослуженію, бывающему въ крестовой церкви; но доколѣ онъ висѣлъ на соборной колокольнѣ въ него отбивали часы и при пожарныхъ случаяхъ били въ набатъ. Вѣсу въ Угличскомъ колоколѣ 19 пуд. 20 фун. Онъ корноухій, т. е. съ отсѣченнымъ ухомъ, что сдѣлано, какъ замѣчено было, по приказанію Бориса Годунова и звукъ имѣеть рѣзкій и громкій; по краямъ его вырѣзана (а не вылита) слѣдующая надпись: „Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи Благовѣрнаго Царевича Дмитрія, въ 1593 году, присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ ссылку въ градъ Тобольскъ, къ церкви Всемиловитваго Спаса, что на торгу, и потомъ на Софійской колокольнѣ былъ набатный“. Складъ надписи, форма буквъ новѣйшаго времени и упоминаніе о томъ-какую должность отправлялъ колоколъ, доколѣ находился на колокольнѣ Софійскаго кафедральнаго собора, очевидно показываетъ, что надпись не древняя; да есть слухъ, что и самый колоколъ не настоящій: Угличскій когда-то и по какому-то случаю разбился, его перелили, но ухо отсѣкли у вновь отлитаго для того, что такъ было у первообраза его“. Другое замѣчаніе: Карамзинъ въ 245 примѣч. къ X т. своей „Исторіи Россійскаго Государства“ сказалъ: „въ Тобольскѣ между колоколами церкви Всемиловитвѣйшаго Спаса, показываютъ набатный Угличскій колоколъ, коего звукъ извѣстилъ тамошнихъ жителей объ убіеніи Дмитрія царевича“. Нѣкогда, впрочемъ, никакъ не ранѣе половинѣ прошедшаго столѣтія, это было такъ: но когда была писана и издана „Исторія Россійскаго Государства“ было уже иначе. Подобная ошибка допущена въ „Памятникахъ московской древности“, Снѣгирева, на стр. 201 и въ описаніи монастырей, епархій и замѣчательныхъ церквей, въ Рос. Имперіи находящихся, изданныхъ при полномъ христіанскомъ мѣсяцесловѣ 1825 года на стр. 145. Замѣтка эта перепечатана въ ярославскія вѣдомости изъ „Москвитянина“, а туда съ нѣ-

которыя неважными измѣненіями взята изъ „Маяка“ за 1845 годъ.

Дѣйствительно, замѣчаніе Н. М. Карамзина о томъ, при какой изъ тобольскихъ церквей находился въ его время угличскій ссыльный колоколъ, невѣрно; въ то время, когда жилъ Карамзинъ, Спасской церкви въ Тобольскѣ уже не существовало и колоколъ находился на другомъ мѣстѣ. Ошибочны также показанія о колоколѣ, помѣщенные въ „Памятникахъ московской древности“ Сяѣгирева въ „Описаніи монастырей, епархій и замѣчательныхъ церквей, въ Россійской Имперіи находящихся“.

Замѣтки объ Угличскомъ ссыльномъ колоколѣ принадлежатъ тобольскому археологу священнику, а впоследствии протоіерею А. Сулоцкому, тому самому, который по порученію тобольской духовной консисторіи навелъ справки въ мѣстныхъ архивахъ объ угличскомъ ссыльномъ колоколѣ и донесъ консисторіи, что имъ не открыто никакихъ документовъ о ссылкѣ колокола, и хотя существуетъ въ городѣ колоколъ съ подобною странною надписью, но происхожденіе его неизвѣстно.

Впоследствии о. Сулоцкій измѣнилъ свой первоначальный взглядъ на ссыльный колоколъ.

Въ другой своей статьѣ „Замѣчательные по Сибири колокола и между ними ссыльный угличскій“, напечатанной въ № 10 тобольскихъ губернскихъ вѣдомостей за 1858 годъ, онъ уже признаетъ ссыльный колоколъ за настоящій угличскій. Конечно, говоритъ онъ, слухъ о разбитіи колокола и переливкѣ его не вымышленъ мною; я его слышалъ отъ лицъ значительныхъ и, повидимому, отъ знатоковъ сибирскихъ древностей, отъ людей образованныхъ (есть изъ нихъ и живые, есть и умершіе). Но, продолжаетъ онъ, признаюсь откровенно (истина для меня выше мелочного самолюбія) мною онъ былъ принятъ безъ критики, единственно на основаніи авторитета и безъ осмотрительности пущенъ въ ходъ печатно, даже за предѣлы Тобольска. Перемена въ мысляхъ о. Сулоцкаго объ угличскомъ колоколѣ произошла, какъ онъ самъ заявляетъ, не вслѣдствіе сторонняго вліянія, а вслѣдствіе новаго тщательнѣйшаго съ критикою обзора ссыльнаго колокола и надписи на немъ.—Обстоятельство важное, когда самый предметъ убѣждаетъ изслѣдователя въ своей подлинности.

Изъ говорившихъ о. Сулоцкому о неподлинности угличскаго колокола одни утверждали, пишетъ онъ, что онъ разбился еще на пути въ Тобольскъ, гдѣ-то около Тюмени, т. е. въ то

время, когда его везли въ ссылку, и тогда онъ былъ перелитъ; другіе, напротивъ, увѣряли, что онъ или разбился при паденіи старой соборной колокольни около 1780 года, или растопился во время такъ называемаго большого тобольскаго пожара 27—28 апрѣля 1788 года и послѣ того или другого случая немедленно колоколь былъ перелитъ, послѣ чего и ухо у него отсѣчено по примѣру его первообраза. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ изъ этого слуха никакого точнаго вывода сдѣлать нельзя. Сибирскіе колокола, какъ и вообще всѣ церковныя принадлежности, а равно и все духовное сословіе въ Сибири, съ перваго появленія здѣсь русскихъ было сборное изъ разныхъ русскихъ городовъ. Такъ, на примѣръ, въ 1592 году „по государеву цареву и великаго князя Ѳеодора Ивановича всея Россіи указу“ велѣно послать въ Сибирь въ новый городъ Таборы образы, книги и все церковное строеніе и колокола, а священника въ тотъ новый городъ Таборы велѣно воеводѣ князю П. И. Горчакову взять изъ Перьми угличскаго, а дьякона, ѣдучи въ Сибирь ¹⁾ взять въ Ростовѣ ²⁾.—Въ сентябрѣ 1599 года царь Борисъ Ѳеодоровичъ велѣлъ березовскому воеводѣ Ивану Волынскому построить въ с. Кодѣ церковь Живоначальныя Троицы и послалъ туда все церковное строеніе, въ томъ числѣ и колокола ³⁾. Въ 1602 году, по указу царя Бориса Ѳеодоровича отправлены были изъ Москвы въ г. Верхотурье иконы, книги, царскія двери и колоколь, съ тѣмъ, чтобы колоколь былъ пересланъ въ Пелымъ ⁴⁾. Кипріянь, первый тобольскій епископъ (1620—1624), привезъ съ собой изъ Москвы для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ паствы не только богослужебныя книги, ризы, стихари, ладонъ, миро, но и колокола и снабжалъ ими новопостроенные храмы ⁵⁾. Нѣкоторые колокола привезены въ Сибирь даже изъ-за границы. Такъ въ Тобольскѣ на Богородицкой церкви имѣется одинъ колоколь, выписанный изъ Голландіи и литый въ Амстердамѣ ⁶⁾.

Видимо въ Сибири на первыхъ порахъ ея завоеванія лить колокола было некому и только впоследствии лили колокола въ

¹⁾ Чрезъ Троице-Сергіеву Лавру, Ростовъ и Ярославль, а съ другого конца по р. Тавдѣ подлѣ Пельма и Таборъ шелъ тогда первоначальный путь изъ Москвы въ Сибирь.

²⁾ Миллеръ. Описаніе Сибирскаго царства, Спб. 1750 г., стр. 234.

³⁾ Митр. Макарій. Исторія Русской церкви, т. X, стр. 75.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Проф. П. Буцинскій. Цер. Вѣд. 1912 г. стр. 632.

⁶⁾ Пылаевъ. Объ Угличскомъ ссыльномъ колоколѣ. Историческій Вѣстникъ 1890 года Октябрь.

Тюмени и Енисейскѣ, по большой части грубой отдѣлки, не большіе и не особенно благозвучные ¹⁾. Звукъ же корноухаго колокола рѣзкій и громкій. Согласимся, впрочемъ, говорить Сулоцкій, что въ 1593 году нашелся мастеръ для переливки сосланнаго Борисомъ Годуновымъ изъ Углича, но разбившагося колокола. Отчего же, однако, не видно изъ сибирскихъ лѣтописей, какъ напечатанныхъ уже (напримѣръ въ III части Древней Россійской Вивліюэки подъ названіемъ „Записки къ Сибирской исторіи служащія“, а также лѣтописи Саввы Есинова, бывшаго дьяка архіерейскаго дома), такъ и остающихся еще въ рукописяхъ (напримѣръ Сибирской Лѣтописи Черепанова, хранящейся въ тобольской семинарской библіотекѣ и др.) ни однимъ словомъ не упомянуто ни о разбитіи, ни о переливкѣ ссыльнаго колокола, тогда какъ въ иной изъ нихъ, напримѣръ, хранящейся въ семинарской библіотекѣ, словоохотливый авторъ говоритъ о всякой мелочи.

Еще неправдоподобіе, говоритъ авторъ, слухъ о неподлинности угличскаго колокола во второмъ его видѣ. Положимъ и здѣсь, что колоколъ или разбился при паденіи старой соборной колокольной около 1780 года, или растопился въ большой пожаръ 1788 года и что тотчасъ перелили его; но отъ чего же желавшіе сохранить угличскій колоколъ, какъ историческую цѣнность, хотя и въ перелитомъ видѣ, заботившіеся о томъ, чтобы увѣковѣчить память какъ о ссылкѣ, такъ и о послѣдующей его судьбѣ надписью на немъ самомъ, отчего эти лица не приказали мастеру отлить надпись на самомъ колоколѣ. Дѣло это для колокольныхъ мастеровъ весьма обыкновенное. Допустимъ и то, что или мастеръ не взялся за отливку надписи или сами распорядившіеся этимъ дѣломъ вспомнили о надписи уже послѣ переливки колокола и потому приказали ее вырѣзать. Но въ такомъ случаѣ цвѣтъ поверхности колокола и цвѣтъ буквъ вырѣзанной на немъ надписи былъ бы совершенно одинаковый; а этого-то и нѣтъ: цвѣтъ поверхности колокола сѣрый или сѣроватый, какъ обыкновенно бываетъ у старыхъ давно литыхъ колоколовъ, цвѣтъ же надписи на немъ гораздо свѣтлѣе, новѣе ²⁾.

Не можетъ быть, чтобы дѣйствительно случившееся разби-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Невѣрный слухъ о растопленіи Угличскаго колокола во время большого тобольскаго пожара произошелъ, по мнѣнію о. А. Сулоцкаго, оттого, что подобное обстоятельство дѣйствительно случилось тогда съ нѣкоторыми соборными колоколами, какъ напр., съ трехсотеннымъ.

тіе и переливка колокола не оставили по себѣ въ мѣстности горавдо отчетливѣйшей памяти, нежели каковъ означенный слухъ съ его неопредѣленными выраженіями: „когда-то и по какому-то случаю“. Довольно подробныя свѣдѣнія о томъ, въ какое время и въ какомъ мѣстѣ находился колоколь, какое имѣлъ назначеніе, куда поступилъ потомъ и проч. показываютъ, что тогдашнее тобольское общество постоянно имѣло его, такъ сказать, въ виду, какъ предметъ особенно замѣчательный по своей исторической древности. Твердая увѣренность въ этомъ вызвала потребность выразить ее надписью на самомъ колоколѣ и тѣмъ какъ будто заставляеть его самого говорить о своей исторической участи. Надпись сдѣлана, съ достовѣрностью можно полагать, по распоряженію Тобольскаго преосвященнаго Варлаама, управлявшаго тобольской епархіей съ 1768 по 1802 годъ. Въ то время колоколь былъ снятъ съ Софійской колокольни. Приказывая вырѣзать на колоколѣ надпись, архіепископъ основывался на древнемъ преданіи, которое гласитъ, что настоящій колоколь дѣйствительно есть тотъ самый, который былъ сосланъ изъ Углича въ Тобольскъ Борисомъ Годуновымъ. Преданіе сіе, въ началѣ переходившее изъ усть-въ-уста, въ 1792 году было занесено въ „Краткое сказаніе о сибирскихъ воеводахъ“, написанное на основаніи преданія въ Тобольскѣ въ 1793 году. Таковое Тобольское преданіе о корнюухомъ колоколѣ, за отсутствіемъ подлинныхъ и при томъ официальныхъ документовъ о его происхожденіи, во всякомъ случаѣ служитъ достаточнымъ основаніемъ для признанія его за подлинный; ибо опровергнуть это преданіе, за отсутствіемъ твердыхъ основаній, очень трудно. Нѣтъ надобности, что надпись не древняя; пускай сдѣлали бы ее еще позднѣе; тутъ дѣло не въ томъ, когда сдѣлана надпись, а въ слѣдствіе какой мысли сдѣлана. Невозможность и несообразность помѣщенія подобной надписи на колоколѣ неподлинномъ видна сама собою. Въ области русскихъ древностей,—говоритъ извѣстный историкъ археологъ И. Забѣлинъ,—очень многое остается и до сихъ поръ подлиннымъ на основаніи только однихъ преданій, такъ какъ преданія въ иныхъ случаяхъ бываютъ достовѣрнѣе самыхъ документовъ ¹⁾.

Замѣчательно, говоритъ о. Сулоцкій,—что надпись на ссыльномъ колоколѣ вырѣзана именно въ то время, въ которое пред-

¹⁾ Отношеніе Императорскаго Историческаго Музея отъ 23 августа 1891 г. № 542, дѣло Л. О. Соловьева, л. 69—70.

полагается переливка его, т. е. между 1780—1797 гг. Доказательство справедливости сего замѣчанія находится на самомъ колоколѣ, въ самой надписи на колоколѣ. Въ ней говорится... „а потомъ (онъ) на Софійской колокольнѣ былъ часобитнымъ“. „На Софійской колокольнѣ былъ“—изъ этихъ словъ очевидно, что надпись вырѣзывалась въ такое время, когда ссыльный колоколъ не былъ на соборной (Софійской) колокольнѣ, а такихъ случаевъ съ колоколомъ было только два: первый между 1780—1797 гг., второй съ 1836 г., когда колоколъ спущенъ былъ съ соборной колокольни и повѣшенъ подлѣ архіерейской церкви подъ небольшимъ навѣсомъ. Но при послѣднемъ случаѣ надписи не вырѣзывали: иначе по недавности случая объ этомъ знали бы въ Tobольскѣ многіе, особенно соборяне и распорядившіеся перестройкой передъ тѣмъ временемъ домовою архіерейской церкви и всѣмъ до нея касавшимся, и я самъ отъ нихъ, или даже отъ самого преосвященнаго Аѳанасія слышалъ бы о томъ; да и надпись, судя по образованности распорядителей (покойнаго игумена Макарія и ключаря П. М. Карпинскаго) была бы составлена, безъ всякаго сомнѣнія, немного потолковѣе, пограмотнѣе въ сравненіи съ той, какая теперь существуетъ на колоколѣ (Тобольскія губернскія вѣдомости 1858 г. № 10).

Подлинность угличскаго колокола подтверждается не только надписью, которая на немъ имѣется, но вообще всѣмъ его внѣшнимъ видомъ. Разсматривая колоколъ, нельзя не замѣтить, что поверхность его очень старая и отъ древности самая мѣдъ сѣраго цвѣта. При самомъ тщательномъ осмотрѣ не найдется ни малѣйшаго даже намека на то, что этотъ колоколъ не настоящій. Подрывающіе довѣріе къ колоколу обыкновенно говорятъ, что настоящій колоколъ когда-то разбился и его перелили, а ухо отсѣкли у вновь отлитаго для того, что такъ было у первообраза. Такое мнѣніе впервые появилось на мѣстѣ ссылки колокола—въ Tobольскѣ. Но первообразъ, т. е. угличскій ссыльный колоколъ, какъ извѣстно, при наказаніи лишенъ былъ не только уха, но и крестнаго знаменія, т. е. креста, утвержденного поверхъ ушей колокола на возвышеніи въ родѣ Голгофы, на которой и доселѣ не трудно замѣтить круглое углубленіе, гдѣ утвержденъ былъ крестъ, снятый съ колокола передъ наказаніемъ его плетью. Видимо, въ Tobольскѣ не знали, что корноухій колоколъ до наказанія увѣнчивался крестомъ: въ противномъ случаѣ авторъ статьи, подрывая довѣріе къ подлинности корноухаго колокола, не преминулъ бы сказать, что при пере-

ливкѣ его отсѣкли у него не только ухо, но и отлипи на немъ углубленіе, гдѣ можно утвердить крестъ, какъ было у первообраза. Сохранившееся доселѣ на угличскомъ ссыльномъ колоколѣ мѣсто, гдѣ утверждень былъ крестъ,—это есть одно изъ сильныхъ доказательствъ подлинности угличскаго колокола.

Основываясь на всемъ приведенномъ, можно сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что находившійся въ Тобольскѣ при Крестовой Свято-Духовской церкви корноухій колоколъ есть дѣйствительно тотъ самый, которымъ въ 1591 году, въ роковой день 15 мая, въ обычный обѣденный часъ, соборный сторожъ Михайлъ Кузнецовъ и вдовый священникъ Ѳедотъ, по прозванію Огурецъ, набатнымъ звономъ встревожили мирный Угличъ и что передаваемый замѣткою Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостей слухъ о разбитіи и переливкѣ колокола не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія и не можетъ нисколько поколебать мысль о подлинности этого колокола.

IV.

Въ 1887 году среди угличанъ опять возникъ вопросъ о возвращеніи ссыльнаго колокола въ родной городъ Угличъ. Въ этомъ году въ „Новомъ Времени“ за 22 августа была помѣщена между прочимъ замѣтка о томъ, что въ Тобольскѣ имѣется колоколъ, сосланный туда изъ Углича, по повелѣнію Бориса Годунова, за то, что въ него звонили въ набать, когда убили царевича Димитрія. Прочитавъ объ этомъ, проживающій въ то время въ С.-Петербургѣ угличскій гражданинъ Леонидъ Ѳедоровичъ Соловьевъ задался мыслью, во что бы то ни стало, добиться возвращенія въ Угличъ ссыльнаго колокола, какъ неотъемлемой собственности г. Углича и какъ предметъ исторической древности. Своею мыслью г. Соловьевъ подѣлился съ проживающими въ С.-Петербургѣ своими земляками, и тѣ отнеслись къ нему живымъ сочувствіемъ и полною готовностью участвовать въ тѣхъ расходахъ, какіе потребуются по этому дѣлу.

По приглашенію г. Соловьева, угличане собрались для совѣщанія 11 января 1888 года и избранный предсѣдателемъ собранія Л. Ѳ. Соловьевъ, привѣтствуя собравшихся своихъ земляковъ, обратился къ нимъ съ рѣчью такого содержанія:

„Вамъ, конечно, уже извѣстно, что мы собрались сюда за тѣмъ, чтобы вмѣстѣ обдумать способъ ходатайства о возвращеніи изъ Тобольска колокола, который по повелѣнію Бориса Годунова въ 1592 году вывезень былъ туда изъ нашего род-

ного Углича. Я считаю не лишнимъ, милостивые государи, напомнить Вамъ въ короткихъ словахъ ту страницу исторіи, которая говоритъ о тяжеломъ, гнусномъ преступленіи, совершенномъ въ 1591 году въ нашемъ родномъ городѣ—объ убіеніи царевича Дмитрія. Этотъ прискорбный фактъ до сихъ поръ темнымъ пятномъ лежитъ на исторіи родного нашего города. Но не одно только напоминаніе исторіи бросаетъ укоръ намъ, угличанамъ, и вызываетъ въ насъ тяжелое чувство,—нѣтъ, нашъ изгнанникъ колоколъ, пока онъ остается вдали отъ насъ, на чужбинѣ, въ Тобольскѣ, служитъ намъ постояннымъ напоминаніемъ о гнусномъ злодѣяніи, совершенномъ когда-то въ нашемъ родномъ городѣ и тяжелымъ гнетомъ, лежащимъ на его исторіи. Но, милостивые государи, исторія какъ безпристрастная цѣнительница событій, бросая укоръ мѣсту, гдѣ совершилось страшное дѣло, должна снять позоръ съ людей и предметовъ, непричастныхъ къ этому дѣлу, и исторія давно уже по справедливости оцѣнила фактъ, она указала уже на стоящихъ злодѣевъ и нашъ изгнанникъ—колоколъ, по суду исторіи, оказался нисколько непричастнымъ къ тяжелому событію 1591 года; онъ терпитъ, если можно такъ выразиться, незаслуженное наказаніе—ссылку по оговору. Настало время исправить ошибку—снять позоръ съ невиннаго. Будемъ же ходатайствовать о его возвращеніи на родину, къ намъ въ Угличъ. Звонъ его въ нашемъ родномъ городѣ напоминаетъ ему о томъ счастливомъ времени, когда Угличъ былъ незабытымъ далекимъ угломъ, а цвѣтущимъ торговымъ городомъ, имѣвшимъ далеко немалое значеніе въ семьѣ другихъ русскихъ городовъ. Пусть наши земляки подъ его звонъ вспомнятъ далекое прошлое своего города; пусть подъ этотъ звонъ они воспрянутъ духомъ и по примѣру своихъ предковъ постараются поставить свой родной городъ на тотъ уровень, на которомъ онъ былъ въ болѣе счастливое время“.

Въ заключеніе своей рѣчи, предсѣдатель собранія предложилъ обществу рѣшить вопросъ, какъ удобнѣе повести дѣло о возвращеніи колокола, чрезъ угличскую ли городскую думу или обратиться непосредственно съ ходатайствомъ къ Государю Императору. Собраніе единогласно рѣшило просить угличскую городскую думу присоединиться къ общему желанію петербургскаго общества угличанъ и принять участіе въ возвращеніи въ Угличъ ссыльнаго колокола. Постановленіе собранія земляковъ занесено было въ протоколъ и скрѣплено 59 подписями.

Угличскій городской голова, съ разрѣшенія ярославскаго

губернатора внесъ протоколъ на обсужденіе городской думы и, по обмѣнѣ гласныхъ мнѣніями, выяснилось, что собраніе, вполнѣ сочувствуя возвращенію ссыльнаго колокола въ Угличъ, не находитъ препятствій къ возбужденію проживающими въ С.-Петербургѣ земляками этого ходатайства предъ правительствомъ. Въ виду сего, единогласно постановлено: выразить отъ имени думы г. Соловьеву глубокую благодарность за инициативу вопроса о возвращеніи въ Угличъ изъ Тобольска ссыльнаго колокола съ искреннимъ пожеланіемъ возможнаго скорѣйшаго разрѣшенія этого вопроса и увѣдомить его, что со стороны городского общественнаго управленія не встрѣчается препятствій къ возбужденію предъ Его Императорскимъ Величествомъ ходатайства о возвращеніи въ Угличъ ссыльнаго колокола.

Получивъ уполномочіе на ходатайство отъ угличской городской думы, г. Соловьевъ 18 апрѣля 1888 года принесъ всеподданнѣйшую просьбу на Высочайшее имя, и Государь Императоръ 19 мая изволилъ начертать слѣдующую резолюцію: „Просьбу угличанъ удовлетворить и ссыльный угличскій колоколь возвратить, ежели таковой окажется въ Тобольскѣ“. На основаніи таковой резолюціи, командующій Императорскою главною квартирою генераль-адъютантъ Рихтеръ 27 мая за № 11357 препроводилъ прошеніе г. Соловьева въ Министерство внутреннихъ дѣлъ, а министръ передалъ его на заключеніе Св. Синода.

Опасаясь, какъ бы дѣло о возвращеніи колокола не окончилось такъ же неудачно, какъ ходатайство угличанъ въ 1849 году, г. Соловьевъ счелъ необходимымъ, съ своей стороны обратиться съ просьбою къ преосвященному Авраамію, епископу тобольскому о высылкѣ ему удостовѣренія, какъ о мѣстѣ нахождения колокола, такъ и о томъ, въ какомъ видѣ и съ какого именно времени ссыльный угличскій колоколь находится въ Тобольскѣ. Отвѣтъ получился неутѣшительный. Тобольская духовная консисторія, отношеніемъ отъ 26 октября 1888 года за № 6572, чрезъ полицію объяснила г. Соловьеву, что при церкви тобольскаго архіерейскаго дома дѣйствительно имѣется колоколь съ извѣстной уже намъ надписью, но „кто и по чьему приказанію вырѣзалъ таковую надпись, а равно и когда, отъ кого и въ какомъ видѣ полученъ былъ первоначально въ Тобольскѣ сей колоколь—неизвѣстно, церкви Всемилостивѣйшаго Спаса что на торгу въ Тобольскѣ нѣтъ, да и неизвѣстно, гдѣ существовалъ такой торгъ, или торжекъ“. Вообще, по мнѣнію консисторіи, нѣтъ основанія утверждать, по отсутствію первоначальнаго

чальныхъ историческихъ данныхъ, что названный колоколъ есть тотъ самый, который былъ присланъ изъ Углича въ Tobольскъ.

Такой отвѣтъ тобольской духовной консисторіи можно объяснить или нежеланіемъ ея дать нужныя свѣдѣнія о ссыльномъ колоколѣ, или же совершеннымъ незнаніемъ исторіи города.

Какъ только основанъ былъ городъ Tobольскъ (1586 г.), въ немъ построены и первыя церкви царскимъ воеводою Чулковымъ: Вознесенская, Троицкая и затѣмъ Спасская ¹⁾. Что дѣйствительно въ Tobольскѣ существовала Спасская церковь, въ этомъ удостовѣрялъ г. Соловьева дѣйствительный членъ уральскаго общества любителей естествознанія и тобольскаго губернскаго статистическаго комитета Флоріанъ Ляхмайеръ письмомъ отъ 2 января 1889 года ²⁾. Онъ пишетъ: „стоитъ только взглянуть на планъ города Tobольска до 1698 года и подъ № 7 она (Спасская церковь) значится; подъ № 18—Спасская башня и часы, подъ литерою В—Спасская улица продольная на горѣ; подъ лит. Л.—Спасская улица поперечная; всѣ эти названія говорятъ въ пользу существованія Спасской церкви. Далѣе, продолжаетъ Ляхмайеръ, на планѣ подъ №№ 50, 51 и 49 находились гостиный дворъ, таможня, торговые ряды, а по народному изреченію „торгъ“ или „торжокъ“ и приходился онъ какъ разъ противъ церкви Всемиловитоваго Спаса. Отсюда и названіе Спасской церкви „на торгу“. Эта церковь была ближайшей къ воеводской приказной избѣ.

Колоколъ сосланъ былъ въ г. Tobольскъ, когда еще не была учреждена тобольская епархія и Сибирь въ церковномъ отношеніи состояла подъ вѣдѣніемъ Всероссійскаго патріарха, а въ гражданскомъ отношеніи до 1708 года нынѣшняя Tobольская губернія, какъ часть Сибири, управлялась воеводами, зависѣвшими непосредственно отъ Сибирскаго приказа въ Москвѣ и всѣ официальные сношенія столицы съ Сибирью, не исключая и дѣлъ церковныхъ (до учрежденія въ 1620 г. тобольской епархіи) направлялись прямо къ воеводамъ. Ссыльный колоколъ безъ уха и языка Борисомъ Годуновымъ, по всей вѣроятности, направленъ былъ въ вѣдѣніе воеводы, а отсюда въ ближайшую церковь, каковою была церковь Всемиловитоваго Спаса „на торгу“. Можно допустить и то, что по смерти Годунова колоколъ въ церкви былъ выпрошенъ у начальства, такъ

¹⁾ Исторія Русской церкви, Митр. Макаръ, т. X, стр. 75; Покровскій Сибирскія епархія, Прав. Собесѣдникъ 1811 г., стр. 642.

²⁾ Дѣло Л. О. Соловьева, лист. 28—30.

какъ въ то время, какъ мы уже говорили, въ Сибири въ колоколахъ былъ сильный недостатокъ.

Что же касается до заявленія тобольской духовной консисторіи объ отсутствіи въ тобольскихъ архивахъ первоначальныхъ историческихъ данныхъ о ссыльномъ колоколѣ, то ихъ дѣйствительно можетъ и нѣтъ; всѣ постройки въ г. Тобольскѣ на первыхъ порахъ его устройства были деревянныя, не исключая церквей и казенныхъ учрежденій; при частыхъ пожарахъ и татарскихъ набѣгахъ они уничтожались, а вмѣстѣ съ зданіями гибли и документы; но память о ссылкѣ въ Тобольскѣ корноухаго колокола сохранилась прочно, и потому событіе это записано въ лѣтописи, какъ Сибирскія, такъ и Угличскія. Вотъ, на примѣръ, свидѣтельство угличской лѣтописи: „Колоколь (соборный) благовѣстной, большой, сосланъ послѣ убіенія благовѣрнаго царевича Дмитрія въ ссылку въ Тобольскъ Борисомъ Годуновымъ для того, что когда заклали убійцы его, царевича, то въ него въ тотъ часъ нѣкій, усмотрѣвъ сіе убійство, началъ вычно и необычно звонить и народъ въ городъ (т. е. въ крѣпость, гдѣ былъ дворецъ) сзывать, и на тотъ тогда горько-несчастный гласъ гражданъ множество сошлося и убійць Борисовыхъ изымаша и каменіемъ побивша“. А вотъ, какъ будто въ отвѣтъ, свидѣтельство Сибири: „Въ 1598 году присланъ былъ въ Тобольскъ, въ ссылку, колоколь безъ уха, въ который били въ набать, какъ Дмитрію царевичу на Угличѣ сдѣлалось убіеніе; нынѣ же на Софійской колокольніѣ набатный“¹⁾. Или: „1508 года поставленъ первый Целымскій городъ, а ставилъ воевода, князь Петръ Горчаковъ датошными людьми, а насадиша его угличанами, ссыльными людьми за убіеніе царевича Дмитрія Ивановича; они и городъ ставили. А колоколь, въ который благовѣстили какъ царевичу Дмитрію убіеніе на Угличѣ учинилось, сосланъ въ Сибирь, въ Тобольскъ, къ церкви ко Всемилостивому Спасу, что на торгу; а нынѣ онъ на Софійской колокольніѣ часобитной“²⁾.

Не приводимъ другихъ извѣстій, подтверждающихъ дѣйствительность ссылки въ Тобольскъ угличскаго колокола, какъ болѣе или менѣе основанныхъ на предыдущихъ, такъ какъ фактъ ссылки въ Тобольскъ угличскаго колокола не подлежитъ сомнѣнію.

¹⁾ Краткое сказаніе о сибирскихъ воеводахъ, Тобольскъ, 1792 г., стр. 4.

²⁾ Записки къ Сибирской Исторіи служащія, — Древняя Россійская Вивлюенка. т. III, ч. VI, стр. 80, изд. 1895 г.

Горя нетерпѣніемъ, г. Соловьевъ неоднократно обращался съ просьбою къ министру внутреннихъ дѣлъ сообщить ему о ходѣ дѣла. Получивъ въ отвѣтъ 12 декабря 1888 года, что министерствомъ дѣло еще не разрѣшено, въ виду неполученія по сему предмету отзыва оберъ-прокурора Св. Синода, г. Соловьевъ обратился съ просьбою къ синодальному оберъ-прокурору оказать ему содѣйствіе по возвращенію колокола, при чемъ въ прошеніи объяснилъ историческія данныя, которыя при рѣшеніи дѣла послужили бы къ удовлетворенію ходатайства угличанъ. Св. Синодъ, по предложенію оберъ-прокурора, разсмотрѣвъ прошеніе г. Соловьева и свѣдѣнія, по содержанію прошенія доставленныя преосвященнымъ тобольскимъ, а также справку изъ производившагося въ 1850 году въ Св. Синодѣ дѣла по сему колоколу, въ январѣ 1889 года опредѣлилъ предоставить синодальному оберъ-прокурору сообщить министру внутреннихъ дѣлъ, что Св. Синодъ не встрѣчаетъ препятствій съ своей стороны къ удовлетворенію ходатайства гражданъ г. Углича, если по сему предмету состоится соглашеніе между тобольскимъ и ярославскимъ епархіальными начальствами, о чемъ и дано было знать преосвященнымъ ярославскому и тобольскому.

На просьбу ярославскаго архіепископа Іонаана дать согласіе къ отправленію въ Угличъ находящагося въ Тобольскѣ при домовой архіерейской церкви ссыльнаго изъ Углича колокола, преосвященный тобольскій Авраамій отвѣтилъ письмомъ отъ 4 апрѣля 1888 года за № 1063, что, по мнѣнію тобольскаго губернатора В. А. Тройницкаго, вопросъ о возвращеніи ссыльнаго колокола не подлежитъ епархіальному начальству, такъ какъ колоколъ тотъ съ незапамятныхъ временъ висѣлъ на городской площади и былъ часобитнымъ, а слѣдовательно не составляетъ собственность домовой архіерейской церкви. Въ заключеніе преосвященный пишетъ, что губернаторъ распорядился перемѣстить колоколъ въ историческій тобольскій музей, а для обмѣна за счетъ музея для архіерейскаго дома былъ отлитъ такого же размѣра колоколъ. Что касается до тобольскаго городского общественнаго управленія, то оно, освѣдомясь о ходатайствѣ г. Соловьева, возбудило по сему дѣлу споръ, доказывая, съ одной стороны, что колоколъ не тотъ, который сосланъ изъ Углича, а съ другой—что если бы даже и тотъ самый, то, по силѣ закона о давности, онъ составляетъ уже собственность Тобольска.

Въ виду сего, г. Соловьевъ вынужденъ былъ для болѣе точ-

наго и положительнаго доказательства изыскивать въ археологическихъ и историческихъ музеяхъ и другихъ мѣстахъ свѣдѣнія, какъ о тождествѣ колокола, такъ равно и о времени ссылки и мѣстѣ его нахождения и, кромѣ сего, обращался въ консультацию гг. присяжныхъ повѣренныхъ, состоящую при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, съ вопросомъ о томъ, подходитъ ли подъ силу давности закона угличскій колоколъ, такъ какъ онъ считался ссыльнымъ и составляетъ по роду своему имущество церковное. Въ разрѣшеніе этого вопроса консультация сообщила г. Соловьеву, что такъ какъ сказанный колоколъ въ вѣдѣніи г. Тобольска никогда не находился, то и право собственности на основаніи закона о давности распространяться на него не можетъ. Вслѣдствіе чего дѣло о семъ, въ порядкѣ обжалованія рѣшеній тобольской городской думы и тобольскаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, было доведено до Правительствующаго Сената. Но въ виду чрезмѣрной медленности производства дѣла въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, г. Соловьевъ, въ періодъ этого времени, вторично повергнулъ предъ Государемъ Императоромъ просьбу свою о возвращеніи въ Угличъ изъ Тобольска ссыльнаго колокола. Прошеніе было сдано на заключеніе Св. Синода, и исполнявшій обязанности оберъ-прокурора Св. Синода, тайный совѣтникъ Смирновъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ на благоусмотрѣніе Его Величества и, ко всеобщей радости угличанъ, Государь Императоръ въ 19 день іюля 1891 года собственноручно изволилъ начертать: „Я полагаю, что все-таки можно вернуть его обратно въ г. Угличъ, такъ какъ въ Тобольскѣ онъ совершенно не нуженъ и легко замѣнить его другимъ“.

Несмотря на это, тобольскія власти рѣшили во что бы то ни стало удержать за собой помилованный царскою волею колоколъ. Въ чрезвычайномъ засѣданіи комитета тобольскаго губернскаго музея 13 октября 1891 года, по предложенію предсѣдателя собранія, тобольскаго губернатора, постановлено было войти съ ходатайствомъ въ министерство государственныхъ имуществъ со всеподданнѣйшей просьбой комитета музея объ оставленіи навсегда въ г. Тобольскѣ корноухаго колокола, въ виду того, что онъ для Тобольска представляетъ значительный историческій интересъ и обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Ходатайство это не имѣло успѣха и комитетъ тобольскаго музея въ общемъ собраніи 2 февраля 1892 года постановилъ во исполненіе Высочайшей воли передать колоколъ угличскому городскому обществу по уплатѣ послѣднимъ 600 руб. и колоколъ выдать

тому лицу, которое явится съ яснымъ и должнымъ уполномочіемъ городского общества.

Видимо, тобольцамъ не такъ легко было растаться съ угличскимъ колоколомъ. Да и доселѣ они не перестаютъ показывать въ музей „угличскій колоколь“, сдѣланный г. Флоріаномъ Ляхмайеромъ изъ папье-маше, вѣсомъ 5 пуд., выкрашенный и бронзированный подъ натуральный цвѣтъ, такъ что, не ударяя въ колоколь, разницу можно найти только ощупью. Приготовленъ онъ былъ на Сибирско-Уральскую выставку въ Екатеринбургѣ, гдѣ и удостоенъ медали ¹⁾.

V.

Вскорѣ послѣ Монаршаго разрѣшенія, гражданами г. Углича была избрана депутація изъ трехъ лицъ: И. А. Жаренова, И. А. Истомина и В. Н. Кашинова, которые 27 апрѣля 1892 г. отправились въ Тобольскъ за возвращеніемъ желаннаго колокола и прибыли туда 9 мая. Предъявивъ уполномочіе отъ угличской городской управы на полученіе ссыльнаго колокола, они вручили музею 600 рублей за всѣ расходы, понесенные имъ на отливку новаго колокола для архіерейскаго дома, и въ тотъ же день приняли колоколь изъ музея въ присутствіи губернатора. Угличская депутація, покинувъ Тобольскъ, возвратилась на родину съ колоколомъ 20 мая въ 11 часовъ ночи. Когда пароходъ подошелъ къ пристани, на берегу ожидало его духовенство и масса жителей, жаждавшихъ встрѣтить неодушевленнаго ссыльнаго, томившагося въ Тобольскѣ 300 лѣтъ. Этотъ нѣмой свидѣтель всего прошлаго былъ дружно поднятъ народомъ съ парохода, и шествіе, при неумолкаемыхъ крикахъ: „ура“ направилось къ собору, гдѣ онъ былъ поставленъ на паперти. При постановкѣ колокола городской голова М. А. Жареновъ благодарилъ: бывшаго при семъ купца Л. Ѳ. Соловьева за его труды по ходатайству о возвращеніи колокола, увѣряя, что заслуга его никогда не забудется народомъ; б) уполномоченныхъ думы, потрудившихся по дѣлу доставки колокола изъ

¹⁾ Письмо г. Ляхмайера угличскому городскому головѣ отъ 25 октября 1888 года, гдѣ онъ предлагаетъ купить за 200 рублей сдѣланный имъ колоколь со всѣми подробностями и документами тобольскаго полицейскаго правленія. Дѣло угличской городской управы, лист. 4—5.

Примѣчаніе: За послѣднее время одинъ изъ посѣтителей угличскаго музея сказалъ, что онъ ѣдетъ изъ Тобольска и видѣлъ въ тамошнемъ музеѣ колоколь, который ему называли „ссылнымъ угличскимъ“, и только тогда убѣдился въ неподлинности тобольскаго колокола, когда вспомнилъ, что въ тотъ колоколь не звонятъ.

Тобольска въ Угличъ и в) все городское общество за усердіе при переноскѣ колокола съ пароходной пристани. На всю остальную часть ночи избранъ былъ изъ числа гражданъ, подъ управленіемъ купца Н. А. Бычкова, почетный караулъ.

На другое утро возвращенный колоколъ поднятъ былъ на особо устроенный пьедесталъ. Послѣ богослуженія въ соборѣ духовенство вышло съ крестнымъ ходомъ къ мѣсту нахождения колокола; здѣсь совершенъ былъ молебенъ съ поминовеніемъ невинно пострадавшихъ и убиенныхъ угличанъ и многолѣтіемъ всѣмъ ревнителямъ, сотрудникамъ и благотворителямъ по дѣлу возвращенія колокола. Послѣ окропленія колокола святой водой, сдѣлано было въ него нѣсколько ударовъ.

Послѣ рокового событія 15 мая 1591 года, спустя 300 лѣтъ, г. Угличъ вновь огласился звукомъ „набатнаго колокола“. Потомки древнихъ угличанъ, пострадавшихъ за смерть св. страстотерпца царевича Дмитрія, впервые услышали тотъ звукъ колокола, который служилъ предвѣстникомъ печальныхъ событій, бывшихъ послѣ 1591 года. И на сей разъ печальный звонъ напомнилъ гражданамъ о тѣхъ страданіяхъ и гоненіяхъ, которыя выпали на долю ихъ предковъ.

Того же 21 мая состоялось экстренное засѣданіе городской думы, въ которомъ, по случаю доставленія въ Угличъ дорогого памятника, угличскаго ссыльнаго колокола, возвращеннаго по Всемилостивѣйшему Монаршему благоволенію къ Угличу, постановлено было подвергнуть чрезъ ярославскаго губернатора къ стопамъ Его Императорскаго Величества выраженія одушевляющихъ всѣхъ обывателей города чувствъ безграничной и неизмѣнной вѣрноподданнической преданности и благодарности за Всемилостивѣйшее вниманіе къ Угличу. Въ томъ же засѣданіи постановлено было присвоить Л. Ѳ. Соловьеву званіе почетнаго гражданина города Углича въ благодарность за понесенные имъ труды по возвращенію ссыльнаго колокола.

Колоколъ въ настоящее время помѣщается во дворцѣ царевича Дмитрія и подвѣшенъ на особомъ пьедесталѣ, такъ что въ него можно звонить.

Дм. Лавровъ.

